

Хасавнех Алсу Ахмадулловна

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ О САМСОНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТАРСКОГО ПОЭТА-СУФИЯ АБУЛЬМАНИХА КАРГАЛЫЙ

В статье приводится сопоставительный анализ суфийского по содержанию рассказа А.Каргалый "О Шамсун-батыре и его корыстолюбивой жене" с библейской версией повествования о Самсоне. Основное внимание уделяется яркой авторской интерпретации данного сюжета татарским автором. Примечательно то, что Каргалый в отступлениях акцентирует внимание читателя на этической и назидательной сторонах рассказа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 205-207. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.512.145

Филологические науки

В статье приводится сопоставительный анализ суфийского по содержанию рассказа А. Каргалый «О Шамсун-батыре и его корыстолюбивой жене» с библейской версией повествования о Самсоне. Основное внимание уделяется яркой авторской интерпретации данного сюжета татарским автором. Примечательно то, что Каргалый в отступлениях акцентирует внимание читателя на этической и назидательной сторонах рассказа.

Ключевые слова и фразы: суфизм; Каргалый; библейский сюжет; Самсон; Шамсун; литературная интерпретация.

Хасавнех Алсу Ахмадулловна, к. филол. н.

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
alisse_12345@mail.ru*

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ О САМСОНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТАРСКОГО ПОЭТА-СУФИЯ АБУЛЬМАНИХА КАРГАЛЫЙ[©]

Рассказ Абульманиха Каргалый (1782–1833) «Шамсун батыр һәм аның комсыз хатыны» («О Шамсуне-батыре и его корыстолюбивой жене») включен в его «Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгъйди» («Переводы хаджи Абульманиха ал-Бистави ас-Саиди») [2] – одно из немногих сохранившихся на сегодняшний день поэтических произведений поэта. В основе его лежит библейское сказание о Самсоне и его коварной возлюбленной Далиле (в русской традиции – Далида), которое включено в ветхозаветную Книгу Судей. Данный сюжет, как известно, нашел широкое отражение в изобразительном искусстве, музыке и литературе всего мира.

Самсон, обладающий фантастической физической силой, всю свою жизнь воевал против филистимлян, поработителей еврейского народа. Немало бед он им приносил, а те не знали как с ним расправиться. Однажды он полюбил филистимлянку по имени Далила. Та же за вознаграждение выведала секрет силы Самсона и после трех неудачных попыток погубила его, выдав врагам.

К сожалению, в рассказе о Шамсуне татарского автора нет указания на источник заимствования данного сюжета. Однако можно предположить, что он попал к А. Каргалый через персидских авторов, произведения которых были широко распространены в среде татар в XIX веке. Литературные произведения на персидском языке, которые проникали на территорию Поволжья и Урала, пройдя через многочисленные авторские интерпретации, либо в ходе переписываний трансформировались, максимально приближаясь к восприятию татарским читателем, вживались в местную культуру и воспринимались уже как свои. Но, прежде чем попасть в руки к представителям просвещенной прослойки татар, они проходили сложный, многоступенчатый путь: произведения арабских, греческих, индийских, др. мусульманских авторов, а также христианские Священные Писания, интегрировав в персидскую литературу, творчески перерабатывались местными авторами. «Этот фактор имел позитивный оттенок особенно в сложные, переломные для татарской литературы периоды, когда она претерпевала упадок или находилась в состоянии застоя; благодаря этому литература обогащалась новыми идеями и содержанием, переходила на более высокий этап развития» [1, б. 3].

По мнению И. Н. Хольстрем, «стратегия интерпретации поэтического текста всегда является актуальным вопросом. Сегодня понимание предполагает интерпретацию, перевод или изложение смысла текста своими словами» [5, с. 187]. А. Каргалый вносит в этот рассказ свою авторскую интерпретацию. Так, например, главный герой рассказа Шамсун представлен как мусульманский святой, который проводит ночи за молитвами, держит уразу, ради довольства Аллаха участвует в сражении с неверными-кяферами (в иудейских священных писаниях – филистимляне) и т.д. Кроме того, Шамсун у татарского поэта представлен как великий святой: «*В народе израилевом жил Шамсун – / Человек – святой, великий*»¹. По христианской же версии, Самсон был «назореем Божиим от лона матери», т.е. человеком, принявшим обет воздерживаться от употребления винограда и произведенных от него продуктов (в первую очередь вина), не стричь волос. По степени святости назореев приближались к первосвященникам (Амос. 2:11, 12).

Существуют некоторые различия и в деталях повествования А. Каргалый. Так, если по библейскому сюжету Далила связывала своего возлюбленного во время сна семью сырыми тетивами, новыми веревками, которые не были в деле, втыкала семь кос с его головы в ткань, то в произведении татарского поэта жена Шамсуна перевязывала спящего мужа крепкой канатной веревкой, затем железной проволокой и только в третий раз, узнав истинный секрет его силы, связала ему руки, как и в оригинальной версии, его косами. Еще одно характерное отличие в повествовании А. Каргалый заключается в том, что жена Шамсуна после каждой ее неудачной попытки погубить его оправдывалась тем, что решила испытать, насколько тот силен. Согласно же библейской версии, Далила каждый раз бросала Самсону упрёки в том, что он недостаточно любит ее: «И сказала ему [Далила]: как же ты говоришь: “люблю тебя”, а сердце твое не со мною?» (Суд. 16:15-17).

© Хасавнех А. А., 2013

¹ Здесь и далее: подстрочный перевод автора.

А. Каргалый называет жену Шамсуна корыстолюбивой (*комсыз*). Сравним: «И усыпила его [Далила] на коленях своих, и призвала человека, и велела ему остричь семь кос с головы его. И начал он ослабевать, и отступила от него сила его» (Суд. 16:19). У татарского поэта: *В один из вечеров сон беспечности пришел, / Распутная жена воспользовалась тем. / В поспешности отрезав ему косы, / Связали ими ему руки. / И не откладывая, [том] оповестила, / В тот же миг, [вокруг] неверные собрались* [2, б. 9].

Согласно библейскому повествованию, после захвата Самсона ослепляют, затем бросают в темницу, где к нему приходит искреннее раскаяние. Спустя некоторое время, волосы на его голове отрастают, к нему возвращается его былая мощь. В один из празднеств в храме собирается вся филистимлинская знать и простой люд, Самсона же вводят в храм как шута. Он обращается к Богу с мольбой вспомнить о нем и укрепить его, затем он сталкивает огромные колонны, храм рушится и под его обломками погибают тысячи филистимлян. В повествовании же А. Каргалый главного героя убивают сразу же после его захвата: *И не давши на миг пощады, / Убили они его тотчас* [Там же].

Татарский поэт, согласно мусульманской традиции, связывает гибель главного героя с Божественным волеизъявлением (тэкьдир), выражает глубокое сочувствие этому обстоятельству: *И предательство приходит по воле Бога, / И светлое, подобно солнцу, побуждение приносит черные плоды* [Там же]. В повествовании «О Шамсун-батыре...» славная кончина главного героя омрачает мысли самого пророка Мухаммада, который возносит праведного святого, воздавая ему честь и хвалу. Всевышний Аллах в ответ на слова своего любимого (т.е. пророка Мухаммада) ниспосылает ему суру «ал-Кадар» (Предопределение).

Упоминание имени посланника Аллаха – Мухаммада – в суфийских произведениях встречается довольно часто. По мнению Альфины Сибгатуллиной, установка этих произведений, связанных с образом Мухаммада, имела конечную цель – приближение человека к самому Аллаху [4, б. 251]. А. Каргалый так же, как и многие тюркские и татарские поэты-суфии, следует этой традиции. Следующие двенадцать поэтических строк татарского поэта посвящены восхвалению Аллаха и Его пророка Мухаммада. Эта часть произведения является переводом отрывка из «Мишкат ал-анвар» (Ниша света) Абу Хамида ал-Газали: *«Мишкат ал-анвар» хазрата Газали / Из книги сей на тюркский / Перевел стихами из баитов, / Посему надеюсь: вспомнят / Ради этого недостойного добрые молитвы вознесут / Самому недостойному из людей – Абульманиху»* [2, б. 9-10].

Помимо различий, в произведении «О Шамсун-батыре...» А. Каргалый выделяют некоторые вымышленные детали. Автор привносит в повествование некоторые чудесные явления (*карамат*). Так, например, к «челюсти верблюда» – *тивэ яцакыйн* (в Книге Судей – челюсть мертвого осла), которую Шамсун носил с собой в качестве оружия, прирастало мясо, когда он чувствовал голод. Когда же его одолевала жажда, то сквозь зубы этой «челюсти» просачивалась холодная вода, которой он напивался: *«Верблюжья челюсть оружием служила / Для обладателя чудес...»* [Там же, б. 7].

Примечательно, что в текст рассказа А. Каргалый включил термин *карамат*, который является чисто суфийским; он обычно применяется в отношении святых (*аулийа*) и шейхов, способных совершать чудеса. *Караматы*, как известно, даются святым (*аулийа*), чтобы подтвердить их особую богобоязненность и благочестие, *му`джизат* же по воле Аллаха ниспосылается пророкам как доказательство их миссии. Эти два явления отличаются также не только от актов обмана (*хийал*), но также от предсказаний (*киханат*), волшебства (*сихр*) и др. Истинные шейхи, как известно, никогда не похвалялись своими чудесами, напротив, – избегали этого. «Имам Фахруддин ар-Рази сказал: “Очень часто люди по причине чудес отходят от пути Аллаха, именно поэтому истинные *арифы* боятся, что эти чудеса будут для них испытанием, которое они не смогут преодолеть”» [3, б. 310]. Достаточно вспомнить, что одним из обвинений в адрес известного ал-Халладжа было «разглашение чудес», посредством которого, в глазах современников, он мог стремиться к роли пророка [6, р. 615]. В тексте же татарского поэта данный термин применяется в отношении Шамсуна с одной-единственной целью – чтобы указать на его причастность к святым.

В повествовании А. Каргалый встречаются отступления, где речь идет о негативных, разрушительных качествах, отдаляющих человека от Всевышнего Аллаха. Выражая свою авторскую позицию, татарский поэт всей душой осуждает поступок коварной жены Шамсуна, говорит о том, что любовь к богатству и деньгам является скверным, злым качеством, многих живших на Земле это качество сделало «слепцами» в обоих мирах. Такие люди, по мнению автора, далеки от милости Аллаха: *Насколько злобно это качество – любовь к мирским благам, / Уж многих оно сделало слепцами в этих двух мирах. / Им бы держаться пути Истины, но слепцы – / [Настолько] отделились от Божьей милости они* [2, б. 8].

Рассказ о Шамсун-батыре А. Каргалый является глубоко суфийским по своему содержанию. Образ коварной жены Шамсуна олицетворяет собой все мирские соблазны в виде богатства, похоти, славы и т.д. – все то, что сбивает человека с истинного пути и что в конечном итоге может привести человека к духовной гибели. Никакая физическая сила не могла сломить Шамсуна, он был непобедим перед филистимлянами, которые в рассказе А. Каргалый представлены в лице неверных (*кяфир*), однако он оказался слабым перед коварством женщины, образ которой подразумевает мирские блага. Автор рассказа всячески предостерегает читателей от этого коварства. Можно привести множество примеров из суфийской мировой литературы, где авторы отождествляли преходящий мир с женщиной или невестой и призывали бросить в мир-женщину камень; татарский автор также лишь следует установившейся традиции.

А. Каргалый также не отступает от традиции, сложившейся и крепко укоренившейся в литературах мусульманского Востока: в концовке повествования он возносит молитвы благодарности (*шукр*) Всевышнему, который ради своего Любимого ниспослал миру столько благ и милости; он также призывает

и всех мусульман возносить молитвы благодарности благословенному духу Пророка: *Ради Любимого своего Аллах Всевышний / Дал нам [щедро] богатства столько. / Нам же следует множество раз / Молитвы вторить благословенному духу Пророка* [Там же, б. 9].

Благодарность (*шукр*), как известно, в суфийской иерархии стадий духовного возвышения (*макамат*) наряду с любовью (*махабба*) представляет одну из основных стадий. Поэтому суфии придавали большое значение этому духовному состоянию (*хал*), выдвигая тезис о том, что истинный суфий должен быть одинаково благодарен Всевышнему и в радости, и в горе. Среди ранних аскетов выделялись и те, кто в ниспосланных страданиях, горе видели особый знак любви Аллаха и были благодарны еще больше.

Таким образом, для татарского поэта библейское повествование о Самсоне и его возлюбленной Далиле является поучительным и этическим по своему содержанию. Он использует это повествование в качестве назидания и урока для людей верующих и размышляющих. При этом автор дает яркую индивидуальную интерпретацию, внося дополнительные детали в сюжетную линию рассказа, максимально приближая его к восприятию татарским читателем. Для него детали, сюжетная линия, стиль повествования является лишь фоном. Отступления от основной линии сюжета, где автор делится своими размышлениями с читателем, выводы, к которым приходит, – вот на чем акцентируется внимание читателя; это то, в чем заключена «соль» рассказа.

Список литературы

1. **Гыйбрэтле хикэятлэр** // Кульязмаларны басмага эзерләуче, хэзерге эдэби телгә күчерүче һәм рәссам-бизәүче Нәжип Нәккаш-Исмәгыйль. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 174 б.
2. **Каргалый Ә.** Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди. Казан: Казан ун-ның табгыханәсе, 1889. 34 б.
3. **Мухаммад Ю. Х.** Энциклопедия суфизма / пер. с араб. М.: Изд. дом «Ансар», 2005. 479 с.
4. **Сибгатуллина Ә.** Татар әдәбиятында суфичылык (чыганақлар, тематика һәм жанр үзенчәлекләре): филол. ф. д-ры ... дисс. Алабуга, 2000. 380 б.
5. **Хольмстрем И. Н.** Стратегия интерпретации французского поэтического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 187–190.
6. **Gardet L.** Karāma // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden: E. J. Brill, 1997. Vol. IV.

BIBLICAL PLOT ABOUT SAMSON IN CREATIVE WORKS OF TATAR SUFI POET ABUL'MANIKH KARGALYI

Khasavnekh Alsu Akhmadullovna, Ph. D. in Philology

Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
alise_12345@mail.ru

The author presents the comparative analysis of story “On Shamsun Batyr and his Greedy Wife” by A. Kargalyi, which is Sufi in content, and the biblical version of narration about Samson, pays special attention to outstanding author’s interpretation of this plot by the Tatar author, and emphasizes that A. Kargalyi draws readers’ attention to the ethical and didactic aspects of the story.

Key words and phrases: Sufism; Kargalyi; biblical plot; Samson; Shamsun; literary interpretation.

УДК 8С(осет.)

Филологические науки

Феномен женской поэзии в статье рассматривается на примере лирики первой осетинской поэтессы Зинаиды Хостикоевой. Описываются пути творческих достижений яркой, самобытной, одарённой личности. Подчёркивается необходимость дальнейшего изучения её творчества, переложения стихотворений поэтессы на русский язык, так как настоящий смысл её творческого наследия остаётся скрытым от широкого читателя.

Ключевые слова и фразы: женская поэзия; феномен; оригинальность; творческий путь; судьба незаурядной личности; национальный колорит.

Хетагурова Кристина Инарбековна, к. филол. наук
Северо-Осетинский государственный педагогический институт
kristina.ki-ka@yandex.ru

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИРИКИ ОСЕТИНСКОЙ ПОЭТЕССЫ ЗИНАИДЫ ХОСТИКОЕВОЙ)®

Поэтический талант сам по себе – явление изумительное, но он становится более пленительным, когда им владеет женщина. Справедливо, что поэзию не следует делить на мужскую и женскую. Но всё же существует мир образов и мыслей, созданный талантом и вдохновением женщины.